

увязка высоких курганов с отдельными поселениями и их группами, видимо, позволит по-новому подойти к классификации сопок отдельных районов.

Мы остановились на одном из наиболее «темных» вопросов славянской археологии — на проблеме сопок, древних погребальных насыпей Новгородской земли второй половины I тысячелетия н. э. Несмотря на значительные успехи в изучении сопок за последние годы и попытки выработать более строгие принципы их анализа и классификации, приходится признать, что источниковедческие аспекты проблемы остаются наименее разработанными. Новые сведения о деталях погребального обряда и конструкции сопок накапливались крайне медленно и случайно. Никто не ставил своей задачей целенаправленные раскопки этих памятников; в результате за последние 30 лет было исследовано лишь несколько разрушающихся насыпей. И в настоящее время основную источниковедческую базу составляют дореволюционные материалы, а эволюция в нашем истолковании сопок объясняется главным образом не накоплением новых фактов об этих памятниках, а развитием общих исторических представлений о характере этнических процессов на Северо-Западе России в I—начале II тысячелетия н. э. Неудивительно поэтому, что, когда В. В. Седов — автор последнего и наиболее значительного исследования в этой области — взял на себя самый труд провести общую систематизацию сопок на основе единых критериев и определить их этническую принадлежность и место среди древностей Новгородской земли, неизученность сопок проявилась особенно наглядно. В. В. Седов еще раз привлек внимание исследователей ко многим ключевым вопросам славянской колонизации Северо-Запада России, наметил основные направления их общего решения. Его работа заставила вновь задуматься над рядом общепринятых положений и отчетливо показала, что первоочередной задачей в изучении сопок в настоящее время является конкретная разработка и проверка выдвинутых общих построений.

И. Э. КЛЕЙНЕНБЕРГ

ЗАЕМНЫЙ ПРОЦЕНТ В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XV В.

К хорошо изученным объектам экономической истории средневекового Новгорода отнесется его товарный рынок.¹ Зато денежный рынок этого экономически высокоразвитого центра Северо-Западной Руси остается почти неисследованным. В том

¹ А. Л. Хорошкевич. Торговля Великого Новгорода в XIV—XV вв. М., 1963; L. K. G o e t z. Deutsch-russische Handelsgeschichte. Lübeck, 1922.

числе не установлен и такой важный показатель, как величина заемного процента. Причина этого — очень малое число прямых указаний на кредит и оформление кредитных операций в источниках. Отсутствие русских документов вызвало гибелью новгородских архивов, молчаливе же ганзейских писем и актов по этому вопросу объясняется тем, что Ганза как организация в течение всего времени существования в Новгороде ее торгового двора категорически запрещала своим купцам, пользующимся двором, любые сделки в кредит с русскими. Вообще Ганза в Новгороде признавала лишь меновую торговлю (товар на товар), не разрешая использование денег в качестве платежного средства. В новгородских серебряных рублях (слитках) производилась лишь оценка обмениваемых товаров.² Тайные кредитные операции отдельных ганзейских купцов чаще всего не носили денежного характера: уплата по такому кредиту, как правило, производилась товарами.³

Причину упорного отказа Ганзы от такой прогрессивной формы экономических отношений, как кредит, следует видеть в уровне хозяйственного развития городов Северной Германии, удовлетворявшихся еще примитивными формами кредитных отношений. Вследствие этого в правосознании ганзейцев и в их правовых обычаях еще в XV в. действовал в полной мере принцип, что иногородний кредитор в случае несостоятельности должника имеет право в качестве залога захватывать и задерживать имущество сограждан последнего.⁴ Не отказывались от репрессалий по отношению ко всем немецким купцам, находящимся в гостинном дворе, за провинности одного из них и новгородские власти.⁵ И хотя в новгородско-немецкие договоры включались статьи, подтверждающие другой принцип — «истцу знать истца», иначе говоря, конфликты отдельных лиц не должны переноситься

---

² И. Э. Клейнберг. Оформление договора купли-продажи и мены в ганзейской торговле Новгорода и Пскова. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, т. III. Л., 1970, с. 132—134, 136.

³ А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, с. 153—155.

⁴ В качестве примера можно привести обычный заемный документ из Гданьского архива, в котором гданьский магистрат 9 августа 1454 г. подтверждает, что он занял у одного иногороднего бюргера 1200 венгерских золотых и дает кредитору или его наследникам право в случае неуплаты долга в срок задерживать гданьских купцов и бюргеров с их товарами, где бы они ни нашлись, и не отпускать их вплоть до полного удовлетворения его иска (Max Neumann. Geschichte des Wuchers in Deutschland bis zur Begründung der heutigen Zinsengesetze (1654). Halle, 1865, S. 277). См. также: А. В. Костанекский. Der öffentliche Kredit im Mittelalter nach Urkunden der Herzogtümer Braunschweig—Lüneburg. Inaug. Diss. Berlin, 1889, S. 12.

⁵ «А только не отдадут нашей братии того серебра, и мы им велимъ взяти ту четыриста рублевъ на вашей братии, на купчихъ». Это заключительная фраза грамоты Великого Новгорода магистру Ливонского ордена с требованием взыскать долг с наследников таллинского бургомистра Конрада (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, № 53).

на их общину, — все же эти статьи имели больше опплативный характер, чем обязательный, так как на практике они не соблюдались с обеих сторон. В условиях средневековья репрессалии против коллектива, к которому относился виновный, были единственным путем к скорейшему удовлетворению иска.⁶ Запрет кредитных операций пемедскими купцами в Новгороде со стороны Ганзы должен был, таким образом, оградить общину в гостинном дворе от больших убытков в случае пеосторожных или преступных действий одного из ее членов.

Цель данной статьи — ввести в научный оборот те немпогие известия об условиях денежного кредита в Новгороде в первой четверти XV в., которые сохранились именно для этого периода в ганзейской переписке. Эти данные очень интересны, они прямо называют величину процента, за который можно было получить деньги займы в Новгороде в указанный период, в то время как на Западе при заемных операциях процент выступал в большинстве случаев в закамуплированной форме. Дело в том, что первоначально римско-католическая церковь категорически запрещала верующим получение любого процента с отданного займа капитала, считая это смертным грехом. Когда же (с развитием товарно-денежных отношений) буквальное соблюдение этого запрета стало невозможным, то возникли разные способы скрытого оформления получения заемных процентов, которые продержались в кредитной практике вплоть до XVI в.⁷

Несколько слов о том, какое отражение нашла проблема денежного кредита в средневековой Руси на страницах русской историко-экономической литературы. Все исследователи этого вопроса сходятся в том, что в противоположность западной церкви русское православное духовенство пе отвергало получения заемного процента вообще, а боролось только против взимания чрезмерно высоких ростовщических резов, считая вполне допустимыми такие, которые в общественном правосознании в то или иное время ощущались как справедливые по формуле «рост нам давати, как идет в людях».⁸ Вследствие такого отношения духовных властей русские заимодавцы не были вынуждены камуплировать в своей документации получение роста, как это делали западноевропейские кредиторы.⁹

⁶ А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода, с. 260—263.

⁷ Об обходных способах оформления получения заемных процентов на Западе см.: Ф. И. Мнхалевский. Очерки истории денег и денежного обращения. Т. I. Деньги в феодальном хозяйстве. Л., 1948, с. 222; R. de Roover. The Bruges Money Market around 1400. Brussel, 1968, p. 12—14, 31.

⁸ Формула взята из кабалшой записи 1562 г. (Вс. Удинцов. История займа. Киев, 1908, с. 91); см. также: М. В. Довнар-Запольский. История русского народного хозяйства, т. I. Киев—СПб., 1911, с. 199.

⁹ Ф. И. Мнхалевский. Очерки истории денег. . . , с. 226.

Не существует разногласий и по поводу того, что дача денег в рост, в том числе и за «лихвенные» проценты, была сильно распространена в древней Руси, а особенно в Великом Новгороде, где в качестве ростовщиков выступали, кроме купцов, некоторые крупные бояре, по прежде всего монастыри, среди которых масштабами своей финансовой деятельности выделялся Юрьевский монастырь; некоторые церкви в Новгороде были построены ростовщиками «от лихвенного собрания».¹⁰

Полемику мы наблюдаем лишь в определении величины процента. В то время как большинство авторов придерживалось и придерживается точки зрения, что на Руси заемный процент был высок, М. В. Довнар-Запольский пришел к выводу, что этот процент «был вовсе невелик».¹¹ Под выражением «высокий процент» авторы понимают 20% годовых и выше. В последней обобщающей работе по истории хозяйства русских земель в XIII—первой половине XV в. «довольно высоким» назван годовой рост в 20—25%.¹²

Причиной разногласий по такому кардинальному показателю развития денежных отношений, как заемный процент, является отсутствие в источниках до XVI в. прямых цифровых указаний на его величину. Исследователям приходилось реконструировать размер процента по данным статей правовых кодексов (Русская Правда), по поучениям церковных проповедников (ответы новгородского епископа Иифонта Кирику) и по рассказам летописей о частых проявлениях, особенно в Новгороде, народного недовольства, вызванного безудержным ростовщичеством власть имущих (разгром усадьбы новгородского посадника Дмитрия Мирошкинича и другие народные возмущения). Единственная точная цифра, содержащаяся в пространной редакции Русской Правды и устанавливающая максимум допустимого реза, — это 20% в ст. 53-й: «Аже кто емлет по 10 куп от лета на гривну, то того не отметати».¹³ Это ограничение, введенное в Русскую

---

¹⁰ В. П. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.—Л., 1961, с. 148; Ф. П. Михалевский. Очерки по истории денег..., с. 226; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. I. Дикапиталистические формации. М., 1956, с. 203—204 и 268—269; Ю. К. Авдаков. Хозяйство русских земель в XIII—первой половине XV в. В кн.: История народного хозяйства СССР. Курс лекций. М., 1960, с. 62; М. В. Довнар-Запольский. История русского народного хозяйства, с. 193—195. — Последний выдвигает гипотезу, что купеческое объединение при церкви Ивана Предтечи на Опоках имело также функцию банкирского предприятия.

¹¹ М. В. Довнар-Запольский. История русского народного хозяйства, с. 197—202. — Автор приводит ссылки на труды оспариваемых им исследователей.

¹² Ю. К. Авдаков. Хозяйство русских земель в XIII—первой половине XV в., с. 62. — У Н. Аристова в его работе «Промышленность древней Руси» (СПб., 1866, с. 216) для XV—XVI вв. назван такой же заемный процент — 20.

¹³ Правда Русская, т. II. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1947, с. 425—428.

Правду Владимиром Мономахом, и прямые указания в XVI в. на широкое распространение договоренных 20% при займовых операциях («на пять шестой по расчету») ¹⁴ дали повод исследователям считать эту цифру низким уровнем заемного процента на Руси периода феодальной раздробленности и первого столетия становления централизованного государства.

Слабой стороной установленной таким образом величины заемного процента (20) является ее статичность; она отнесена ко всему большому периоду — XII—XVI вв. без учета разницы в темпах экономического развития отдельных территорий Руси в указанное время. Но данные источников не позволяли исследователям реконструировать более точные региональные цифры для разных отрезков времени.

В указанных работах четко не проведено различие между действительно «лихвещным» процентом, столь характерным для ростовщического капитала докапиталистических формаций, и «деловым», банковским, процентом, зародившимся в течение средневековья в сфере действия торгового капитала. А такое различие является очень существенным при определении уровня развития денежного рынка. Ведь быстро растущая заморская торговля самоуправляющихся торговых городов не могла обходиться без кредитных операций, и процент при их оформлении должен был зависеть от развития товарно-денежных отношений, от спроса и предложения на денежном рынке того или иного региона. Поэтому такой экономически оправданный процент считался как займодавцем, так и должником справедливым. К XV в. в высокоразвитых итальянских городах дело дошло до создания кредитных банков и организованного денежного рынка, правда пока еще приспособленного лишь для удовлетворения потребностей торгового капитала. В главе третьего тома «Капитала», посвященной характеристике ростовщического капитала, К. Маркс и Ф. Энгельс указывают на то, что «кредитные ассоциации, образовавшиеся в XII и XIV столетиях в Венеции и Генуе, были порождены потребностью морской торговли и основанной на этой последней оптовой торговли освободиться от господства старомодных ростовщиков и монополистов торговли деньгами».¹⁵ К началу XV в. итальянские банки завладели и денежным рынком Брюгге во Фландрии, конечного западного пункта ганзейского торгового пути из Новгорода в Западную Европу.¹⁶ В странах Балтийского бассейна, в том числе и в торговых ганзейских городах Северной Германии, не достигших еще такого уровня экономического раз-

¹⁴ М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. Изд. VII. Пгр.—Киев, 1915, с. 606. — М. Ф. Владимирский-Буданов называет такую величину годового процента для XVI в. «чрезмерной».

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, с. 151.

¹⁶ R. de Roover. Money, Banking and Credit in Mediaeval Bruges. Italian Merchants, Bankers, Lombards and Money-Changers. Cambridge (Mass.), 1948.

вития, какого достигли города Италии и Фландрии, дело не дошло до возникновения организованного денежного рынка со специализированными кредитными ассоциациями, но свидетельством борьбы торгового капитала с ростовщичеством является существование в этом регионе в XV в. обычно-правовых, деловых процентных ставок, возникших и утверждавшихся независимо от государственной и церковной регламентации.

Из русских источников на наличие в Новгороде не только «лихвенных», но и невысоких процентных ставок намекает «Повесть о посаднике Щиле», сохранившаяся литературная редакция которой относится, вероятнее всего, к середине XV в. Там сказано, что Щил давал людям, не имевшим достаточно денег для торговли, займы и брал с них в год по одной деньге «за 14 гривен и 4 деньги», что соответствует 0.5% годовых.¹⁷ В. Н. Бернадский объясняет чрезвычайно низкий процент морализующей теплотой автора, исходившего из учений церкви.¹⁸ Но с таким же успехом можно предположить, что автор, называя эти цифры, подчеркивал, что Щил не был обычным ростовщиком, а давал деньги на торговлю за низкий процент как феодал, заинтересованный в развитии торговли и поддерживавший этим зависимых от него купцов-комиссионеров. Правда, повесть — литературный памятник, а не юридический акт, поэтому к цифре 0.5% нужно относиться соответственно осторожно. Но в условиях слабо развитого денежного рынка Северо-Западной Европы позднего средневековья и такой чрезвычайно малый заемный процент вполне возможен.¹⁹ Создатель сохранившейся редакции повести, характеризуя свой персонаж, несомненно исходил из реальной экономической жизни Новгорода XV в.²⁰

Обратимся теперь к тем свидетельствам ганзейской переписки, которые позволяют установить величину заемного процента в первой четверти XV в., причем величину «делового», обычно-правового, процента, а не «лихвенного», ростовщического. Оказывается, что Ганза, несмотря на свое принципиально отрицательное отношение к кредитным операциям в Новгороде, все же в некоторых случаях допускала, что администрация ее гостиного двора занимала деньги у новгородцев. Дело в том, что двор не имел полного права расходовать деньги, собранные им с купцов в виде платы за ласм помещений и пошлин с товаров.

¹⁷ И. П. Еремин. Из истории старинной русской повести — «Повесть о посаднике Щиле». Труды Комиссии по древнерусской литературе, Л., 1932, с. 123.

¹⁸ В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в., с. 148.

¹⁹ См. указания на условия займов, представляемых шведским королем Густавом Васой, в кн.: Eli. F. Heckscher. Sveriges ekonomiska historia från Gustav Vasa. Stockholm, 1935, S. 198—199.

²⁰ В. Л. Янин допускает, что прототипом образа Щила мог служить автору повести умерший в 1415 г. посадник Богдан-Феодосий Обакунович (Новгородские посадники. М., 1962, с. 240—241).

В XV в. собранные средства ежегодно должны были передаваться в Тарту в распоряжение магистратов ливонских городов. Средства для ремонта и содержания дворовых построек приказчик двора, иначе говоря завхоз или смотритель зданий, должен был каждый раз выпрашивать у городов, так как фиксированной доли в доходах двор не имел. Средства на это отпускались городами очень неохотно, несвоевременно и в недостаточном количестве.²¹ Поэтому в критических случаях, особенно после пожаров, приказчик двора был вынужден прибегать к займу у новгородцев.

Первым документом, содержащим такие данные, является письмо (грамота), направленное немецкими купцами в Новгороде магистрату г. Тарту. На нем нет даты, но издатели относят его к концу XIV—началу XV в. Речь в этой грамоте идет о ремонте построек двора тартускими плотниками и каменщиками. Так как у дворовой администрации в тот момент не было наличных денег, чтобы выслать мастерам аванс на проезд, в письме рекомендуется занять деньги для этой цели в Тарту, а не в Новгороде. Целесообразность такого действия авторы письма обосновывают разной величиной заемного процента в этих двух городах: в то время как в Тарту процент составлял одну марку с 16, что составляет 6.25%, в Новгороде пришлось бы заплатить один рубль с десяти, т. е. 10% годовых.²²

Из следующего письма немецких купцов тартускому магистрату, датированного издателями 7 июля 1419 г., мы узнаем, что оба ганзейских двора в мае сгорели дотла, только каменная церковь устояла.²³ Руководство двора подрядилось с местными плотниками обнести тылом готский двор за 30 руб. серебром, а немецкий св. Петра — за 25 руб. Так как в казне двора денег не было, а за работу нужно было платить немедленно, то двор просил прислать нужные средства или же разрешить взять на месте серебро за проценты.²⁴

По поводу этого сообщения тартуский магистрат пишет таллинскому. Этот документ уже имеет дату — 28 июля 1419 г. В нем тартусцы высказывают мнение, что более выгодно при-

---

²¹ А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода, с. 236—237.

²² «Wente solde wi hir nemen ghelt op rente, so id vele beter, dat men mit ju gheve van 16 marken ene dan hir van 10 stucken en» (Hansisches Urkundebuch (далее — HUB). Bd. V. Leipzig, № 473); см. также: Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Ханьковским. СПб., 1868, № 133; Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch (далее — LUB). Bd. VI, Riga, 1873, № 2983.

²³ Об этом пожаре на Торговой стороне сообщает летопись под 6927 (1419) г.: «Месяца мая в 1 погоре Славеньскими конць и Плотничьскими и до Федорова ручья, церкви 24...» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 411).

²⁴ «...offte wer hir sulver opp rente zolen nemen...» (HUB, Bd. VI, Halle, 1905, № 220; см. также: LUB, Bd. V, Riga, 1867, № 2823, 2331).

слать немецкому двору деньги, занятые в Ливонии, чем в Новгороде «давать за сто рублей десять».²⁵ Таким образом, мы здесь опять сталкиваемся с теми же 10% за заем в Новгороде и с фактом, что в Ливонии процент был ниже.

По-видимому, деньги были посланы с запозданием или в недостаточном количестве. Так или иначе, двору пришлось занять у одного новгородца 90 руб. серебром. Сообщение о самом факте оформления этого займа до нас не дошло, но источники говорят, что возвращение этой ссуды затянулось на несколько лет, а также дают нам некоторые сведения о заемодавце. В последнем пункте своего отчета ганзейские послы, которые вели переговоры в Новгороде в январе—феврале 1423 г., удостоверяют факт, что они «уплатили Макарию те 90 рублей серебром, которые он ссудил купцам на строительство».²⁶ К сожалению, дальнейшие источники ничего не сообщают о социальном положении Макария.²⁷ Подчеркивается только, что это старый больной человек, который, беспокоясь о возврате ссуженных им денег, еще в 1421 г. начал ежедневно приходить в ганзейское подворье и напоминать пемцам о необходимости рассчитаться. То же самое сообщается двором в Таллин в письме от 15 января 1422 г., а также и то, что у двора больше другие долги, почему он и не может погасить этот долг.²⁸ В сообщениях от 12 июля и 24 ноября 1422 г. магистратам ливонских городов рекомендуется скорее вернуть деньги Макарию, так как он стар и болен и даже согласен отказаться от процентов, если долг будет возвращен немедленно. Если же расчет будет произведен лишь после его смерти, то его родственники потребуют, кроме суммы долга, и проценты, что принесет купцам убыток около 40 руб.²⁹ Последняя цифра соот-

²⁵ «...gheven van hundred stucken teyne...» (HUB, Bd. VI, № 227).

²⁶ «Item hebben de boden Makaryen entrichtet de 90 shucke zulvers, de de dem kopmanne tom huwe heft geleent» (Die Rezesse und andere Akten der Hansetage 1256—1430 (далее HR). I. Abt., Bd. VII. Leipzig, 1893, № 568).

²⁷ Можно только предположить, что он был купцом, имевшим постоянные торговые отношения с Ливонией, так как в одном письме шведского пирата Клауса Дёка таллинскому магистрату в 1419 г. сообщается, что им захвачен русский корабль с купцами и товарами, среди которых находилось также десять тысяч воска, принадлежавших Макарию совместно с двумя другими складниками. У этого Макария было отобрано еще 5 руб. серебром и на 5 фердингов разменной монеты (HUB, Bd. VI, № 234).

²⁸ HR, I. Abt., Bd. VII, № 312; HUB, Bd. VI, № 413.

²⁹ «Vortmer van dem Russen, de dem kopmanne dat silver gelent hevet, de hedde gerne sin silver weder... wante et is ein olt, krank man, dar he storve, so moste men dar rente van geven van dem silvere, dat solde dem kopmanne schaden bi den 40 stucken; geve ment em nu weder, er he slorve, so wolde he et dem kopmanne gerne gelent hebben umme vruntschop willen» (HUB, Bd. VI, № 444); ср. также аналогичное по содержанию письмо двора от 24 ноября того же года тартускому магистрату с упоминанием родственников кредитора: «...wente so solden syne vrunde hebben willen de rente myd dem hovetstole» (ibid., № 477).

ветствует примерно сложным процентам за четыре года при ссуде в 90 руб. и 10% годовых. Боязнь потерпеть этот убыток побудила ливонские города, как было указано выше, погасить этот долг в феврале 1423 г.

Во всей этой истории остаются непонятными терпеливость и конечная бескорыстность Макария. Ведь он мог обратиться с жалобой в торговый суд тысяцкого при церкви Ивана Предтечи на Опоках, который был в состоянии принять очень крутые меры против ганзейцев. Известен случай, правда уникальный, когда в 30-х годах XV в. несостоятельный должник из немецких купцов, некто Треринг, был выдан в качестве холопа своему новгородскому кредитору Микуле Болту, а когда родственники захотели его выкупить, то его уже нельзя было разыскать, так как хозяин перепродал его дальше.³⁰

Социальная принадлежность другого кредитора немецкого торгового двора, о котором говорят источники, нам хорошо известна — это Юрий Онцифорович, бывший в 1409—1416 гг. посадником.³¹ В письме купцов г. Тарту, датированном осенью 1411 г., сообщается о долгах двора, в том числе по 10 руб. Юрию Онцифоровичу, срок возвращения которых уже истек в Иванов день (24 июня).³² Процент не указан. Также неизвестна дальнейшая судьба этой небольшой ссуды. Интересной для нас здесь является высокопоставленная в новгородской иерархии личность кредитора. Невольно напрашивается аналогия с посадником Щилом. Что же касается срока возврата долга, то он, по-видимому, является традиционным для такого рода сделок.

О том, что долговые операции могли оформляться письменно с заверкой перед новгородскими властями, видно из претензий новгородца Зиновия, пазываемого также «рыжим Жиганом». Зиновий требовал от таллинского бюргера Готшалка Копмана возврата долга в сумме 100 руб. серебром и 60 марок рижской монетой. Так как Копман скрылся, то Зиновий обратился в немецкий двор. Он утверждал, что у него имеется от Копмана письменный документ с печатью, засвидетельствованный перед новгородскими властями. Он был согласен предъявить эту записку, если только немецкий двор возьмет на себя оплату долга. Так как ганзейским купцам такие операции были запрещены, администрация двора отказалась заниматься этим делом.³³ Из-за репрессалий новгородских властей, причиной которых были, кроме этого, и другие нарушения торговых правил Г. Копманом, руководство Ганзы потребовало от ливонских городов предания

³⁰ LUB, Bd. IX, Riga—Moskau, 1889, № 80, S. 43, Anm. 2.

³¹ В. Л. Янин. Новгородские посадники, с. 383.

³² «Jurian (Jurien) Antziferen» (HUB, Bd. V, № 1028).

³³ Из письма двора от 2 января 1442 г. тартускому магистрату: «...enen besegelden togesteken breyff vor Nougarden» (LUB, Bd. IX, № 801).

нарушителя смертной казни.³⁴ Хотя эти данные относятся к более позднему периоду, можно с полным правом предположить, что письменное, нотариально заверенное оформление долговых обязательств давно уже было обычным для Новгорода, где несомненно существовал такой же нотариальный орган, как засвидетельствованный для Пскова XV в. «ларь св. Троицы».³⁵

Нелегко найти данные для сравнения новгородских 10% с соответствующими ставками на Западе в изучаемый период, так как там тогда еще не было принято фиксировать их открыто в записях. Х. Самсонович в своем исследовании бюргерского капитала в ганзейском городе Гдапське второй половины XV в. приходит к выводу, что из долговых записей городского архива очень трудно узнать размеры прибыли от кредитных операций. Можно только утверждать, что она была немалой.³⁶ Р. де Ровер приводит только максимальную величину процента, разрешенного на Западе властями лицензированным ростовщикам, она составляла $43\frac{1}{3}\%$ в год.³⁷ Но это «лихвенный», а не «деловой» процент.

Цифры для сравнения нам удалось найти в уже цитированной, старой, но основанной на скрупулезном изучении архивных материалов работе М. Неймана «История ростовщичества в Германии». Изучая распространенную в ганзейских городах и разрешенную религиозной этикой разновидность заемной трансакции, называемую «покупка ренты» (*rentenkor*, *Rentenkauf*),³⁸ он установил, что эта средневековая кредитная операция со временем переродилась в обычный заем за проценты и что покупаемая первоначально заимодавцем денежная рента стала по величине примерно соответствовать справедливому (с точки зрения общественного правосознания в каждый отдельный период) заемному проценту. М. Нейман свел в таблицу данные о размерах этой ренты в разных городах за 1215—1620 гг. Для нашей темы представляют интерес цифры XV в. для Любека, прусских городов и Гданьска. Оказывается, что в Любеке рента в указанный век стабильно держалась на уровне 5%, изредка была немного больше, но никогда не достигала 6%; в прусских городах и в Гданьске она колебалась от 10 до 8%.³⁹

³⁴ Ibid., № 876.

³⁵ И. Д. Мартысевич. Псковская судная грамота. М., 1951, с. 72.

³⁶ Henryk Samsonowicz. Badania nad kapitałem mieszańskim Gdańska w II połowie XV wieku. Warszawa, 1960, str. 81, 84.

³⁷ R. de Roover. Money, Banking and Credit in Mediaeval Bruges..., p. 104—105, 125, 130.

³⁸ При закамouflированной кредитной операции заимодавец, выступавший здесь как покупатель, якобы покупал себе у владельца какой-нибудь недвижимости право получать определенную долю от дохода с последней.

³⁹ Max Neumann. Geschichte des Wuchers in Deutschland..., S. 266—278.

Говоря о заемном проценте вообще, М. Нейман устанавливает, что в Северной и Восточной Германии он снизился к концу XV в. с 10—12 до 6—8,⁴⁰ причем речь идет не о ростовщическом проценте и не об ограничениях его светскими властями, а о проценте «деловом», складывающемся под действием экономических законов.

Если подытожить рассмотренные данные источников и литературы, то можно прийти к следующим выводам.

1. Открытые кредитные денежные операции между новгородцами и ганзейцами были очень редки.

2. В Новгороде, помимо признаваемого всеми исследователями ростовщического, «лихвенного», процента при займах, формально ограниченного Русской Правдой, в XV в. существовал уже в сфере действия торгового капитала деловой заемный процент.

3. Этот процент на протяжении первой четверти XV в. был равен 10 и являлся стабильным, но он был выше заемного процента в соседней Ливонии (6.25).

4. Он был примерно равен проценту при «покупке ренты» в тот же период в прусских городах и в Гдапске.

5. Зафиксированная величина заемного процента относится ко времени скачка в развитии денежных отношений в Новгороде, когда там была начата чеканка собственной серебряной монеты.

И. Г. СПАСКИЙ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЗЛАТНИКАХ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА

Первые экземпляры древнейших русских монет в Киеве в 1790-х годах сперва определились как местные находки и в начале XIX в. получили широкую известность. Подлинность их несколько неожиданно признал даже Н. М. Карамзин, хотя это находилось в полном противоречии с господствовавшим тогда в трудах историков учением о кожаных деньгах — «ассигнациях» наших предков и с его собственными высказываниями.

После десятков лет растерянности, сомнений в принадлежности киевских находок и еще выявлявшихся после них новинки, а иной раз даже сомнений в порядочности владельцев прославившихся редкостей, после попыток приписать непонятные монеты западнославянским государствам или хотя бы Осмомыслу Галицкому, наконец, после довольно коффузного «посягательства» на болгарские монеты с соблазнительным именем Святослава споры вспыхнули с новой силой, когда в 1852 г. фонд этих монет во много раз увеличился благодаря находке близ Нежина клада «сребреников» и далее стал регулярно нарастать.

⁴⁰ Ibid., S. 525—526, 537.